

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Историческая память о Дмитрии Донском в допетровскую эпоху

Р. А. Соколов

Для цитирования: Соколов Р. А. Историческая память о Дмитрии Донском в допетровскую эпоху // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 481–495. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.211>

Историческая память о Дмитрии Донском в первые века после его кончины имела прежде всего светский характер. Одержанная под руководством князя победа на Куликовом поле определяла общественное восприятие его образа. Еще при жизни Дмитрия намечилось сближение его образа с памятью об Александре Невском, но в отличие от последнего вопрос о церковном прославлении победителя Мамаю не ставился. Причиной тому была политика активного вмешательства Дмитрия в дела высшего церковного управления. Ситуацию не изменило и то, что в допетровскую эпоху сформировался церковный культ преподобной Евфросинии — супруги Дмитрия великой княгини Евдокии. На беспорочной жизни великокняжеской семьи и Дмитрия как ее главы древнерусские книжники делали особенный акцент. С памятью о Куликовской битве традиция связывала и происхождение особого дня поминовения усопших, получившего имя

Роман Александрович Соколов — д-р ист. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48; гл. науч. сотр., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; romansokolow@mail.ru

Roman A. Sokolov — Dr. Sci. (History), Professor, Herzen University, 48, nab. r. Moyki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; Chief Researcher, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; romansokolow@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 21-48-04402: «Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

The research was funded by the Russian Science Foundation grant no. 21-48-04402 “Saints and Heroes: from Christianization to Nationalism. Symbol, Image, Memory (Nord-West Russia, Baltic and Nordic countries)”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

святого Дмитрия Солунского и великого князя Дмитрия Донского. Однако все это не стало поводом для церковного прославления последнего даже в период широкой волны канонизации русских святых, инициированной митрополитом Макарием. Причиной тому оставались все те же непростые отношения высшей церковной власти к Дмитрию Донскому. Это, однако, не было препятствием для все большей включенности образа великого князя как талантливого военачальника и победителя Орды в историческую память народа и в идеологическую систему координат вновь созданного единого Русского государства. Иван Грозный считал его одним из исторических образцов для собственного правления и подчеркивал собственное происхождение от этого славного предка. В XVII в. дворяне, конструируя генеалогическую историю своих фамилий, старались связать происхождение собственных родов с выехавшими ко двору Дмитрия Донского боярами. Сохранялась и наметившаяся связь исторического образа Дмитрия с канонизированным в 1547 г. на общерусском уровне Александром Невским.

Ключевые слова: Дмитрий Донской, историческая память, история Русской церкви, история России, Куликовская битва, канонизация святых, Московское княжество.

Historical Memory of Dmitry Donskoy in the Pre-Petrine Period

R. A. Sokolov

For citation: Sokolov R. A. Historical Memory of Dmitry Donskoy in the Pre-Petrine Period. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 2, pp. 481–495. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.211> (In Russian)

The historical memory of Dmitry Donskoy in the first centuries after his death was primarily of a secular nature. His victory in the Kulikovo field determined the public perception of his image. Even during the life of Dmitry, there was a convergence between his image and the memory of Alexander Nevsky, but the question of church glorification of a victor over Mamai was not raised. The reason lay in Dmitry's policy of active interference in the affairs of ecclesiastical authorities. Even a large-scale canonization of Russian saints, initiated by Metropolitan Macarius, left Dmitry Donskoy out. It can again be attributed to his difficult relationship with the church authorities. However, this didn't prevent an increasing tendency of inclusion of the image of the Grand Duke as a talented military leader and conqueror of the Horde in the historical memory of his contemporaries and in the coordinate system of the ideology of the newly created unified Russian state. Ivan Grozny considered him one of the "historical models" for his own rule and emphasized his own descent from this glorious ancestor. In the 17th century, the nobles, constructing their genealogical history, tried to connect their origins with the boyars who went to the court of Dmitry Donskoy. The emerging "connection" of the historical image of Dmitry with Alexander Nevsky, canonized at the all-Russian level in 1547, was also preserved.

Keywords: Dmitry Donskoy, historical memory, history of the Russian Church, history of Russia, Battle of Kulikovo, canonization of saints, principality of Moscow.

Жизненный путь и политическая деятельность Дмитрия Донского пришлось на крайне сложную и одновременно судьбоносную эпоху истории нашей страны. Его правление как великого князя Владимирского было связано с выходом на качественно новую стадию процесса консолидации земель русского Северо-Востока вокруг Москвы, что имело прямым следствием укрепление находящегося в распоряжении ее князя потенциала в политической, экономической и военной сферах. Использование этого потенциала позволило успешно продолжить борьбу с Тверью

и Суздалем, противостоять постоянно усиливавшимся амбициям Великого княжества Литовского, наконец, это же помогло впервые бросить вызов Орде и одержать значимую победу на Куликовом поле (1380 г.). В конце правления Дмитрия, даже несмотря на понесенные им поражения (нашествие Тохтамыша в 1382 г. и растянувшееся на несколько лет вынужденное пребывание в Орде наследника — будущего Василия I), уже не ставился вопрос о преемнике: он был определен в духовной Московского князя¹, потомки которого в последующем завоеванного уже не упускали.

Тем не менее в первые десятилетия после кончины Дмитрия Ивановича Донского и позже оценка его политики была неоднозначной. Одним из основных ее недостатков, с точки зрения современников, было то, что после смерти митрополита Алексия (1378 г.) Русь погрузилась в череду нестроений в высшем церковном управлении. Великий князь, чья власть заметно усилилась, получил возможность существенно влиять на замену митрополитов и активно ею пользовался. У него для этого имелись необходимые властные рычаги, но, несмотря на это, он никак не мог из этой вновь открывшейся возможности извлечь реальную пользу, в том числе политическую. Это само по себе свидетельствовало, что выбор курса открытого вмешательства в дела высшего управления Церковью оказался неудачным.

Лишь по смерти Дмитрия стабильность была вновь восстановлена: Василий I принял в качестве митрополита Киприана, который при его отце из Москвы фактически был выслан². В свое время один из предшественников Киприана — митрополит Кирилл — немало сделал для прославления другого князя — Александра Невского, теперь же нечто подобное было, конечно, совершенно исключено, хотя первоиерарх изначально, еще до того, как его конфликт с великим князем приобрел необратимый характер, стремился внести свой вклад в прославление одержанной воинами Дмитрия победы на Куликовом поле. В 1381 г. по его инициативе была осуществлена канонизация Александра Невского, увязанная с чудом, произошедшим накануне сражения у мощей святого³.

К этому добавлялись, конечно, и другие обстоятельства, о которых Н. С. Борисов справедливо писал: «Рассуждая о достоинствах Дмитрия Донского как политика, трудно уйти от тяжелых воспоминаний. Бесконечная тяжба с Тверью... Многолетний конфликт с Литвой... Вконец запутавшиеся церковные дела... Висевшая на волоске победа над Мамаем... Разгром Москвы Тохтамышем...»⁴

Преодолевая стоявшие перед ним трудности, Дмитрий иногда допускал ошибки, терпел серьезные поражения, но неизменно вел дело решительно и твердо, демонстрируя собственную власть. Власть, которой его предшественники в подобной степени еще не обладали. Мог ли в тех условиях действовать иначе правитель, заложивший основы будущего российского единовластия⁵, основы для создания единого государства? Едва ли. Ближайшие потомки не сумели принять это в рас-

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 34.

² См. подробнее: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Гусева С. В.* Москва в эпоху Средневековья. Очерки политической истории XII–XV столетий. СПб., 2021. С. 276–281; и др.

³ См.: *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского: разбор редакций и тексты. СПб., 1913. С. 27; и др.

⁴ *Борисов Н. С.* Дмитрий Донской. М., 2014. С. 480.

⁵ *Фроянов И. Я.* О возникновении монархии в России // Исторический опыт русского народа и современность. Вып. 2. СПб., 1995. С. 32–37.

чет, и образ князя — жесткого правителя и победившего Орду полководца — надолго заслонил в их сознании нравственные черты Дмитрия, которые отразились одновременно и в спорных политических решениях (например, пленение Михаила Александровича или первая публичная казнь — совершенная над И. В. Вельяминовым экзекуция), и в его действительно беспорочной семейной жизни.

Князь, впервые в истории одержавший верх над объединенным войском хана, был просто обречен на то, чтобы память о нем изначально приобрела героическо-легендарный характер. Значимость победы на Куликовом поле обусловила то, что к ее теме не однажды обращались русские книжники, она приобретала даже определенные фольклорные черты. Кстати, этим же объясняется и то, что вплоть до настоящего времени в хорошо известной поговорке сохранилось воспоминание о противнике Дмитрия («как Мамай прошел»). Подчеркнем, что, пожалуй, ни один из многочисленных приходивших на Русь завоевателей подобной «чести» не удостоивался...

Воины Дмитрия Донского, разгромив противника, серьезно опередили время. Часто можно встретить утверждение, что достигнутый ими в 1380 г. успех был сведен на нет набегом Тохтамыша. Правильнее, однако, будет сказать, что в XIV в. просто не сложились исторические предпосылки для свержения зависимости, ведь еще в течение сотни лет — до времен Ивана III — речи о новом решающем столкновении с Ордой не шло. Это придавало Куликовской битве, ее участникам и предводителю русского воинства особенно героический ореол. Ее благоприятный исход (который, напомним, в ходе сражения был далеко не предрешен) связывали с помощью вышних сил и молитвенным предстательством святых подвижников, в частности, как было сказано выше, Александра Невского.

Общеизвестен сохранившийся в источниках факт благословения великого князя, отправлявшегося на бой с полчищами Мамаю, преподобным Сергием. Для беседы с ним Дмитрий лично приезжал в Троицкий монастырь⁶. Дабы продемонстрировать свою поддержку выступавшему в поход русскому войску, игумен отправил с великим князем двух монахов, которых постриг в схиму, — Александра Пересвета и Андрея Ослябю⁷. Оба были людьми известными, до ухода от мира они занимали весьма важное положение в обществе, и их появление под боевыми знаменами в «духовном доспехе» — одеянии схимников — должно было вселить дополнительную уверенность в победе и способствовать сбору ополчения.

Необходимо оговориться, что в последние десятилетия историки с недоверием относились к сообщению источников о приезде Дмитрия к Сергию за благословением перед сражением и об участии в Куликовской битве иноков. Под сомнение был поставлен даже сам факт этих событий⁸. Однако, как оказалось, скепсис исследователей по этому поводу все же не имел достаточных оснований⁹, и все описанное выше могло иметь реальную историческую основу.

⁶ Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. М., 1981. С. 386–387.

⁷ Сказание о Мамаевом побоище // Там же. С. 144–147.

⁸ Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 85–87; Кучкин В. А. О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. М., 1988. Вып. 37. С. 100–116.

⁹ См.: Борисов Н. С. Сергей Радонежский. М., 2001. С. 182–187.

Еще одним важным для рассматриваемого вопроса обстоятельством стало установление сразу после Куликовской битвы особого дня поминовения погибших в ней воинов — Дмитриевской родительской субботы. Это случилось благодаря тому, что сороковой день поминовения павших пришелся на 20 октября — предшествовавшую празднованию святого Дмитрия Солунского субботу. Большое количество погибших обусловило широкий характер совершенных тогда заупокойных служб; они повторялись также в ближайший перед праздником святого Дмитрия субботний день в течение нескольких лет, и в результате это стало основой сложившейся традиции. Чуть позже, в XV столетии, в Дмитриевскую родительскую субботу стали вспоминать вообще всех усопших, а не только погибших в ходе сражения с Мамаем. Однако память об истории ее происхождения все равно сохранялась¹⁰, а значит, сохранялась и связь этого праздника, вероятно, в какой-то степени наложившегося на существовавшие еще во времена язычества практики воспоминания о предках¹¹, не только со святым Дмитрием Солунским, но и с воспоминанием о князе Дмитрии Донском, до церковного прославления которого было еще очень далеко.

Справедливости ради следует отметить, что в историографии высказывались сомнения относительно рассмотренной выше связи этого церковного праздника и Мамаева побоища. В частности, в энциклопедической статье А. А. Лукашевича обосновывается мнение о позднем (не ранее XVIII в.) характере формирования представлений о поминовении павших в Куликовской битве как отправной точке истории Дмитровской родительской субботы, которая сама по себе имеет давнюю историю¹². Однако приведенные К. А. Аверьяновым аргументы вполне опровергают этот скептицизм.

Существенный вклад в первоначальное сохранение памяти о событиях 1380 г. внесла супруга Дмитрия Донского Евдокия, пережившая мужа почти на два десятилетия. В 1393 г. по ее инициативе в Кремле был возведен храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы¹³, то есть он был посвящен именно тому празднику, на день которого прилась Куликовская битва (8 сентября по юлианскому стилю)¹⁴. Спустя несколько лет церковь была расписана Феофаном Греком и Симеоном Черным¹⁵.

На том, что Дмитрий и его супруга Евдокия сумели создать свою «малую церковь» — христианскую семью, в значительной степени сделан акцент в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» — литературном памятнике, вошедшем под 1389 г. во многие летописи¹⁶. Ученые по-разному датировали время его написания (с конца XIV до XVI в.), однако

¹⁰ Аверьянов К. А. Как возникла Дмитриевская родительская суббота? // Суздальский сборник за 2021 год. Владимир, 2022. С. 14–15.

¹¹ Лукашевич А. А. Дмитриевская (Дмитриевская) родительская суббота // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/172067.html> (дата обращения: 11.12.2022).

¹² Там же. — В статье А. А. Лукашевича приведена подробная историография вопроса.

¹³ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XI. М., 2000. С. 55.

¹⁴ Снегирев И. Памятники московской древности с присовокуплением монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. М., 1842–1845. С. 221.

¹⁵ ПСРЛ. Т. XI. С. 157. — См. подробнее: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков: в 2 т. Т. 2. М., 1962. С. 253–263.

¹⁶ О «Слове о житии и о преставлении...» см. подробнее: Прохоров Г. М., Салмина М. А. Слово о житии и о преставлении великаго Князя Дмитрия Ивановича, царя Русскаго // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 403–405.

прояснить этот вопрос удалось благодаря выявленным доказательствам в пользу установления конкретного автора данного текста: им с большой долей вероятности являлся знаменитый русский книжник, современник Дмитрия Донского Епифаний Премудрый¹⁷ (ум. не позже 1422 г.)¹⁸.

«Слово о житии и о преставлении...» по своей сути представляет панегирик почившему князю, прославляющий его дела как правителя и военачальника. Однако значительная часть текста посвящена личному благочестию почившего («От юны бо версты Бога възлюби и духовных прилежа делех») и в особенности его добродетелям как любящего и верного мужа, жившего со своей женой «целомудрено [...], яко златоперсистый голубь и сладкоглаголиваа ластовица, съ умилением смотряху своего спасения, въ чистей съвести»¹⁹. Рассуждая о важности подобных подвигов для спасения души, автор напоминает читателю: «Законному же и супружному житию чъсть приемшу, иже преже приближению браку чистоту съхранившимъ, по великому Василью, съ Авраамомъ вводимы в небесныа чертогы, а не якоже человеци мертвии, преже смерти скончашася»²⁰. Одна из основных мыслей данного литературного памятника заключается в богоизбранности Дмитрия, протекающей, с одной стороны, из его происхождения («отрасль благодородна и цвет прекрасный» и т. д.), а с другой — из его личных качеств, среди которых благочестие играет важнейшую роль²¹.

Прославляющее Дмитрия Ивановича «Слово о житии и о преставлении...» — не агиографический памятник, это скорее заготовка летописной статьи, и не случайно оно действительно вошло в состав нескольких летописей²². Но все же его содержание позволяет в какой-то степени рассматривать сам факт его создания как выражение стремления подготовить почву для будущей канонизации. Таким образом, уже в этот момент акцент в значительной степени делался на личной нравственной чистоте князя, на мире в семье, который они с супругой бережно хранили на протяжении всей совместной жизни.

Впрочем, как бы то ни было, дальше неких предполагаемых, чисто гипотетических идей процесс возможной канонизации князя не продвинулся. Причиной тому могло стать упомянутое выше вмешательство в дела церковного управления, действительно имевшее столь негативные последствия. Более того, в тексте того же «Слова о житии и о преставлении...» имеются указания на то, что автор, выполняя свою работу и желая прославить князя, предпочитает о чем-то умолчать: «В день же тръжества непомнение злыхъ. <...> Того ради подобает, разумев добре, хвалить

¹⁷ Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 85–106; Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987. С. 88–120.

¹⁸ О Епифании Премудром подробно см.: Прохоров Г. М. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 1. Л., 1988. С. 211–220.

¹⁹ Слово о житии и о преставлении великаго Князя Дмитрия Ивановича, царя русскаго // Памятники литературы Древней Руси. С. 210, 214.

²⁰ Цит. по: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. С. 111, лев. ст.

²¹ Михайлова И. Б. «Небесный Иерусалим» в русской культуре XV–XVI вв. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до начала XX в. Т. III. СПб., 2012. С. 403.

²² Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор... С. 89.

и, или, не разумею, молчати»²³. Не было ли это умолчание вызвано нежеланием затрагивать указанную выше явно неудобную тему? Во всяком случае приведенные слова, на наш взгляд, со всей очевидностью не позволяют считать данный текст агиографическим²⁴.

Как бы то ни было, историческая память о Дмитрие Донском имела большое значение и в собственно историческом, светском контексте. Особенно она была важна для его сына Юрия, поскольку, согласно завещанию отца (если понимать его буквально), он должен был стать следующим после своего старшего брата Василия I носителем великокняжеского титула²⁵. К моменту кончины Дмитрия Василий был еще юн и даже не вступил в брак, потому умирающий на случай его ухода из жизни предусмотрел возможность передачи власти следующему из своих сыновей, то есть Юрию. Однако после того, как Василий женился и у него наконец родились сыновья, сам собой возник и повод для взаимной вражды: Юрий не желал поступиться собственными правами, которые опирались на древнюю практику наследования от брата к брату. Все это позже приведет к сильнейшей усобице²⁶. Пока же второй из сыновей Донского стремился подчеркнуть свое духовное единение с отцом и тем самым закрепить права на власть.

Важно было и то, что в свое время крестным Юрия стал Сергей Радонежский²⁷, память о котором, как было сказано выше, оказалась связанной с Куликовской битвой. Учитывая эти обстоятельства, не удивительно, что именно Юрий Дмитриевич стал главным жертвователем на возведение нового каменного храма в Троице-Сергиевом монастыре в 1422 г.²⁸ По инициативе этого князя в нескольких километрах от Звенигорода — центра его удельного княжения — учеником преподобного Сергия был основан новый Саввино-Сторожевский монастырь, посвященный Рождеству Пресвятой Богородицы. Его главный храм, первоначально выстроенный из бревен, около 1405 г. сменился величественным каменным собором²⁹.

Имеет смысл признать по существу верным вывод Н. С. Борисова, согласно которому княгиня-вдова Евдокия и ее сын Юрий Дмитриевич первоначально были «главными хранителями» памяти о Дмитрие Донском. Однако справедливо ли утверждение историка о том, что память эта на рубеже XIV и XV вв. «жила лишь как часть семейной истории московского княжеского дома»³⁰? Думается, что все-таки это было не так, к тому же едва ли можно провести сколько-нибудь четкую границу между «семейной историей» потомков Калиты и историей Руси — страны, которой им выпало на долю управлять.

Чтобы убедиться в правомерности этого довода, достаточно вспомнить, как в результате в общем-то сугубо семейной ссоры совершенно необратимый характер приняла разгоревшаяся по смерти Василия I усобица. Противниками в ней стали

²³ Цит. по: *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. С. 104.

²⁴ Ср.: *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII в. СПб.; М., 2010. С. 99.

²⁵ Духовная грамота (вторая) великого князя Дмитрия Ивановича // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 35. № 12.

²⁶ *Зимин А. А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 7–10; и др.

²⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 21.

²⁸ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. С. 311.

²⁹ Там же. С. 299–300.

³⁰ *Борисов Н. С.* Дмитрий Донской. С. 482.

с одной стороны — новый великий князь Василий II Васильевич, а с другой — его дядя Юрий Звенигородский со своими сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой.

8 февраля 1433 г. в Москве состоялась свадьба Василия II, на которую были приглашены Василий и Дмитрий Юрьевичи. Вот здесь-то во многом по вине матери великого князя Софии Витовтовны и разразился имевший столь печальные последствия скандал, поводом для которого стал пояс, якобы похищенный во время свадьбы Дмитрия Донского³¹.

Рассматривая эти события, Л. В. Черепнин подчеркивал, что летописный рассказ обо всем произошедшем лишь «на первый взгляд производит впечатление простой придворной сплетни», но на самом деле «в нем скрыт определенный политический смысл», заключающийся в том, что пояс в данном случае — символ власти, подобный шапке Мономаха или княжеским бармам — реликвиям, тщательно оберегаемым в казне великих князей³². Особенная символическая значимость этого элемента парадного одеяния заключалась в том, что владение им указывало на преемственность власти от Дмитрия Донского, вокруг чего и нарастали противоречия. К этому следует добавить, что пояс (если принять на веру его происхождение из данного за Евдокией Дмитриевной приданого) мог отчасти рассматриваться и как символ претензий на Нижний Новгород, ведь его изначальный хозяин — отец великой княгини Дмитрий Константинович, князь Суздальско-Нижегородской ветви³³.

Важность указания на преемственность от Дмитрия Ивановича как на подтверждение собственных властных прерогатив отчасти подтверждается и текстом упомянутого выше «Слова о житии и о преставлении...». В нем, помимо прочего, обосновывалось закрепленное за Московскими владетелями со времен Донского права не только на великое княжение, но и на Русскую землю, под которой в данном случае понимается «народ как целое, сплоченный сознанием своего единства»³⁴. В тексте подчеркивается родство и духовное единство Дмитрия с его предками, среди которых не только московские князья, но и знаменитые правители Киевской Руси — Владимир Креститель и Ярослав Мудрый. Этим акцентируется то, что Русская земля, о которой пишет автор «Слова о житии и о преставлении...», включает в себя и исконные для русского единства земли Юга³⁵.

Напомним, что с точки зрения исторической географии XI–XII вв. термин «Русская земля» означал территории, относящиеся к Киеву, Чернигову и Переяславлю Южному³⁶. Да и в середине XIII в. летопись, упоминая о передаче в Каракоруме Александру Невскому ярлыка на великое княжение, говорит, что он должен

³¹ Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 52–53.

³² Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XVII в. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 756–757.

³³ Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 53.

³⁴ Ефимова М. В. Власть и правитель в представлениях русского общества периода образования централизованного государства (по литературным источникам) // Российская государственность: история и современность. СПб., 2003. С. 106–107.

³⁵ Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор... С. 104.

³⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 28–33; и др.

был получить «Киев и всю Русскую землю»³⁷. К исходу XIV в. средоточие политической жизни русских земель окончательно переместилось на Северо-Восток; и к этому некогда периферийному региону, именовавшемуся Суздальской землей³⁸, прочно перешло значение прежнего центра — Русской земли. Ее величие в домонгольский период зримо воплощали древние города Поднепровья, нынче же в этой роли выступала Москва, князья которой уже начали свое «собрание» русских земель, к числу которых (это хорошо понимал и старался показать автор «Слова о житии и о преставлении...») по-прежнему относился тот же Киев. Здесь уже четко виден «общерусский патриотизм, надежда на объединение разрозненной Руси под водительством самого храброго, самого достойного и легитимного великого князя, победителя татар на Куликовом поле»³⁹.

Конечно, несмотря на появление идей, выразителем которых в данном случае выступал Епифаний Премудрый, до создания единого государства было очень далеко, а пока любому из наследников Дмитрия, претендующих на первенство, важно было заявить о себе как о продолжателе и преемнике его дел и славы; славы человека, которого автор, явно забегая вперед, называл «царем русским»⁴⁰.

Укажем теперь и на иные обстоятельства, которые, как представляется, опровергают тезис о том, что в конце XIV и XV в. память о Дмитрии Донском имела в большей степени «семейный» характер. Для этого обратимся к рассмотрению одного сюжета, вошедшего в житийную литературу и с самого начала сблизившего в исторической памяти образы двух князей-воинов — Дмитрия Донского и Александра Невского. Последний почитался как святой с момента кончины (1263 г.), был канонизирован на местном уровне в 1381 г. и всей Русской Церковью в 1547 г.

Выше было сказано, что агиографическая традиция связывает открытие мощей Александра в 1381 г. именно с событиями Куликовской битвы. Напомним суть этого повествования.

Непосредственно накануне сражения пономарь Рождественского монастырского собора во Владимире стал свидетелем чудесного видения, в котором ему явились «два старца честна», обратившиеся к погребенному в этом храме Александру Невскому: «Господине Александре, встани и ускори на помощь сроднику своему Димитрию, одолеваему сущу отъ иноплеменикъ». Князь внял этому призыву: восстал из гроба и вскоре вместе со старцами стал невидим⁴¹.

В будущем образы этих двух героев русской истории — Александра и Дмитрия — еще не однажды окажутся рядом. Сближало их уже то, что свои посмертные почетные прозвания — Невский и Донской — они оба получили по названиям рек, на которых были одержаны их славные победы. Дошедшие до нас ис-

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 472.

³⁸ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. С. 181; и др.

³⁹ Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор... С. 102.

⁴⁰ О титуле «царь» в русской книжности см.: Михайлова И. Б. Москва и Константинополь в княжение Дмитрия Донского: новый «Царьград» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2010. Вып. 4. С. 7–10.

⁴¹ Мансикка В. П. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. С. 27; и др. — См. подробнее: Соколов Р. А. Жизнь после смерти: прославление Александра Невского в лике святых // Благоверный великий князь Александр Невский: блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 210–211.

точники (Никоновская летопись) фиксируют это второе имя Дмитрия Ивановича довольно поздно — лишь в XVI в.⁴² Тем не менее А. В. Сиренов, исследовавший данный вопрос, пришел к выводу, что возникло оно, вероятно, ранее — в XV столетии, когда «героика Куликовской битвы получила отражение в [исторических] произведениях»⁴³. Потому память о Дмитрие Донском в течение всего XV в. имела, конечно, намного более широкие, нежели семейная история, границы.

В 1480 г., когда борьба Руси и Орды вступила в решающую фазу, пример Дмитрия вновь оказался весьма актуальным, если можно так выразиться, в практической плоскости. Именно на него указывал ростовский архиепископ Вассиан Рыло в своем послании великому князю на Угрю, где в то время уже началось «великое стояние» войск Ивана III Васильевича (1462–1505 гг.) и хана Ахмата. Ободряя воинский дух своего адресата, он писал, напоминая о его великом предке: «И достойным хвалам великий князь Дмитрие, прадед твой, каково мужество и храбрство показа за Доном... Без сомнения скочи в подвигъ и наперед выеха, и в лице ста противу океанному разумному волку Мамаю...»⁴⁴ Примечательно, однако, и то, что даже в этом случае Вассиан не преминул указать на «грехи» Дмитрия: «Тем же и всемилостивый Богъ дерзости его ради не покосне, ни умедли, ни помяну перваго *его съгрешения* (курсив наш. — Р. С.), но въскоре посла свою помощь... на супротивныя»⁴⁵.

Получается, что и в этом, безусловно комплиментарном по отношению к победителю Мамаю тексте, наличествует упоминание его неблагоприятных поступков («согрешений»), под которыми, скорее всего, имелось в виду все то же подчас весьма бесцеремонное вмешательство в дела высшего церковного управления. Однако это не отменяет главного: у Вассиана Рыла четко прослеживается однозначно высокая оценка значения исторического опыта Дмитрия Донского и победы его воинов на Куликовом поле.

В XVI столетии, когда вновь созданное единое Русское государство начало продвижение вниз по Волге, что подразумевало включение в орбиту его влияния Казанского и Астраханского ханств, являвшихся по сути осколками Золотой Орды, об историческом примере Дмитрия Ивановича вспоминали еще чаще. Образ князя использовался для воодушевления русских воинов во время успешно завершившегося Казанского похода 1552 г., значение которого для развития российской государственности имело особую значимость⁴⁶. Согласно преданию, при войске Ивана IV под Казанью было то самое знамя, под которым воины Дмитрия Донского шли в бой на Куликовом поле: «Велел государь херутви христианские розвертити, сиречь знамя, на них образъ Господа нашего Иисуса Христа Нерукотворный, и наверх водруженъ животворящий крестъ, иже бе у прародителя его, государя нашего, достохвалнаго великого князя Дмитриа на Дону»⁴⁷. Легенда эта едва ли отражает реальность, но примечательно само ее появление, поскольку это наглядно демон-

⁴² ПСРЛ. Т. XI. С. 198–199.

⁴³ Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 188.

⁴⁴ Послание на Угрю Вассиана Рыла // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб., 1999. С. 392.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 449.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. Стб. 499; Яковлев Л. Древности Российского государства, дополнение к III отделению, русские старинные знамена. М., 1865. С. 3 лев. стб., вторая пагинация.

стрирует существовавшую в исторических представлениях этой и последующих эпох идею о преемственности политики двух правителей — Ивана и Дмитрия. Этот «тандем» в построениях книжников иногда дополняло имя Александра Невского⁴⁸.

Как справедливо замечал Н. С. Борисов, победитель Мамаю стал одним из любимых исторических персонажей Ивана Грозного. Именно в эту эпоху его почетное прозвище — Донской — вошло в широкое употребление, будучи, в частности, представлено в Степенной книге⁴⁹. По инициативе первого русского царя в Кремле в память о взятии Казани был возведен не сохранившийся до наших дней величественный шатровый храм во имя святого Сергия Радонежского⁵⁰. В честь «прародителя своего... великого князя Дмитрия Ивановича Донского» государь назвал первенца, родившегося от брака с Анастасией Романовой⁵¹. Младенцу была суждена недолгая жизнь, но государь позже дал его имя еще одному своему сыну — самому младшему, от последней супруги Марии Нагой⁵².

Первый русский царь вспоминал Дмитрия наряду с некоторыми другими предками всякий раз, когда считал важным обосновать древность династии, к которой он сам принадлежал. В частности, уже в первом послании А. М. Курбскому, как бы сразу расставляя точки над «i» в начавшемся споре с оппонентом, государь указывал на свое происхождение от Владимира Святого, Владимира Мономаха, Александра Невского и Дмитрия Донского (далее говорилось о деде и отце Ивана Грозного)⁵³. В официальных сношениях с иностранными владетелями данный прием использовался в более расширенном виде, он фактически обозначал изначальную идентичность российского монарха так, как он сам ее понимал. Потому, начиная в 1578 г. переговоры с послами Стефана Батория, московская делегация четко обозначала, что она представляет человека, власть которого имеет древнюю историю преемственности. Для этого были перечислены мнимые (Август, Прус) и истинные предки Ивана IV. Среди последних были названы Рюрик, Игорь, Святослав, Владимир Святой, Владимир Мономах, Александр Невский и Дмитрий Донской⁵⁴. Обращает на себя внимание тот факт, что Дмитрий Донской неизменно представлен в подобных перечнях. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что он всякий раз фигурирует рядом с уже прославленным в качестве святого Александром Невским.

В XVI в. сложился своего рода пантеон наиболее выдающихся деятелей древней русской истории, и Дмитрий Донской занял в нем достойное место⁵⁵. Выражением этого, помимо прочего, стало то, что образ князя был представлен среди других избранных князей Рюриковичей в росписях Золотой палаты Московского Кремля, выполненных в середине этого столетия⁵⁶.

⁴⁸ См.: ПСРЛ. Т. 13. Стб. 463, прим. 7; Лызлов А. И. Скифская история. М., 1990. С. 93.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. XXI. СПб., 1913. С. 611.

⁵⁰ Борисов Н. С. Дмитрий Донской. С. 483.

⁵¹ ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 314.

⁵² О соотношении имен двух Дмитриев — сыновей Ивана Грозного см.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. С. 389–395.

⁵³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М., 1993. С. 12, 53, 62.

⁵⁴ Филлошкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 146.

⁵⁵ Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. II / под ред. А. И. Филлошкина. СПб., 2022. С. 61.

⁵⁶ Опись стенописных изображений (притчей) в Золотой палате Государственного дворца, составленная в 1672 г. // Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собр. и изд.

Помимо воспоминаний о Донской победе, аналогии которой с «Казанским взятием» напрашивались сами собой, историческая память о Дмитрие Донском в XVI в. оказалась связана и с почитанием его супруги — великой княгини Евдокии (в иночестве Евфросинии), которая не позже этого столетия воспринималась в общественном сознании как святая подвижница. О связанных с ней чудесах свидетельствует, в частности, Степенная книга, включившая в себя так называемое «Въ мале сказание о блаженней Великой княгини Евдокии, въ инокиняхъ Евфросинии, супружнице достохвальнаго великаго князя Димитрия Ивановича Донскаго» (далее — «В мале сказание»)⁵⁷. В этом источнике речь идет о праведной жизни княгини и о разного рода сверхъестественных явлениях, подтверждающих ее святость. Подчеркнем: среди прочего здесь сказано и о том, что у могилы почившей инокини Евфросинии «многажды... свеща сама о себе возгарашеся»⁵⁸.

К этому чуду мы еще вернемся, а пока отметим, что уже само создание такого памятника, как «В мале сказание», и его включение в состав важнейших сводов доказывают, что житие великой княгини составлялось, следовательно, велась работа по подготовке к ее общерусской канонизации, но была ли она завершена — остается неясным. Историками высказывались мысли о том, что Евдокия была прославлена на одном из Макарьевских Соборов, но реального подтверждения источниками эта гипотеза так и не получила⁵⁹. Даже Е. Е. Голубинский, известный своей скрупулезностью, не сумел однозначно разобраться в этой проблеме. В двух изданиях книги об истории канонизации он давал разные, диаметрально противоположные ответы относительно самого факта официального прославления Евдокии-Евфросинии⁶⁰.

В XVII столетии ее имя включил в свои святцы Симон Азарин (середина 1650-х гг.), не забыв упомянуть о свершившихся у гроба святой исцелениях⁶¹. А в 1689 г. образ святой вдохновил одного из первых российских поэтов, иеромонаха Кариона (Истомина), на создание посвященных ей стихов-виршей («Княгиня свята Евдокия славна...»⁶²).

А что же Дмитрий Донской? Вопрос о его канонизации точно не ставился, несмотря даже на то, что именно во времена Ивана IV по инициативе митрополита Макария русские по происхождению святые, в том числе князья, канонизировались намного чаще, нежели в предыдущие эпохи. На тот момент необходимые для этого предпосылки (чудеса и народное почитание человека именно как святого) в должной степени не были зафиксированы, и церковное прославление Дмитрия

И. Е. Забелиным. Ч. 1. М., 1884. Стб. 1245, 1249; *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. С. 103–104.

⁵⁷ См.: ПСРЛ. Т. XXI. С. 408–411.

⁵⁸ Там же. С. 410–411. См. также: ПСРЛ. Т. XI. С. 198–201.

⁵⁹ См.: *Ковалев-Случевский К. П.* Евдокия Московская. Жизнеописание святой Евфросинии, великой княгини, жены и вдовы Дмитрия Донского. М., 2018. С. 229.

⁶⁰ *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 323. — В XIX в. ответ на вопрос об официальной канонизации преподобной Евфросинии безуспешно пытались найти митрополиты Филарет (Дроздов) и Серафим (Глаголевский), что следует из их переписки, относящейся к 1823 г. (См.: *Письма митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Серафима // Христианское чтение.* 1898. № 2. С. 201–202).

⁶¹ *Романова А. А.* Святцы Симона Азарина из собрания отдела рукописей Российской государственной библиотеки // *Библиотекословение.* 2016. Т. 65, № 5. С. 542.

⁶² *Авдеев А. Г.* Стихотворный элогий Кариона Истомина, посвященный великой княгине святой Евдокии, в иночестве Евфросинии // *Вестник церковной истории.* 2008. № 4. С. 131–134.

Донского оставалось делом далекого будущего. Хотя одно явление чудесного свойства было записано уже тогда. Речь идет о свече, без видимых причин возгоревшейся у гроба Дмитрия⁶³. Это событие наводит на мысль о необходимости соотносить данное чудо с аналогичным случаем, произошедшим у гроба жены великого князя (о нем шла речь выше). Вообще, духовная связь супругов должна была ощущаться современниками: праведная жизнь Евдокии была одним из оснований для особенного ее почитания, но ведь и репутация Дмитрия Ивановича как отца семейства не была ничем запятнана. Однако ни это, ни заслуги князя на военно-политическом поприще не заставляли ставить вопрос о его канонизации, и в исторической памяти о великом князе светское начало преобладало.

Сохранялась в общественном сознании и наметившаяся еще с 1381 г. связь этого героя с Александром Невским. Примечательно, что в одном из составленных в правление Алексея Михайловича «Титулярников» портреты этих двух правителей оказались очень похожими⁶⁴. Сведения о Дмитрии Донском вошли и в «Василилогион» — составленный Николаем Спафарием сборник биографий правителей различных эпох: от библейских времен до русской истории. Его имя присутствует там вместе с Владимиром Мономахом, все тем же Александром Невским, Иваном Грозным, первыми Романовыми и др.⁶⁵ Примечательно и то, что в этом столетии, получившем позже прозвание «бунташного», некоторые дворянские роды, конструируя собственные родословные легенды, целью которых было удреветь и максимально «облагородить» собственное происхождение, указывали на то, что их предки поступили на службу именно к Дмитрию Донскому⁶⁶. Конечно, это стало еще одним косвенным признанием значимости исторической памяти об этом великом князе.

Подводя итоги, отметим, что историческая память о Дмитрии Донском изначально и долгое время носила светский характер. О князе вспоминали в первую очередь как о герое-полководце, сумевшем одержать важнейшую победу в крайне сложных условиях. Его пример не однажды использовался в идеологической плоскости, в частности для укрепления духа русских воинов. Вопрос о канонизации Дмитрия Донского в допетровскую эпоху не ставился. Одной из причин этого являлось серьезное вмешательство князя в дела высшего церковного управления, имевшее негативные последствия. Ситуацию не изменило даже то, что в общественном восприятии образ Дмитрия, конечно, был связан с памятью о его супруге, почитание которой началось уже в древности, а также с образом Александра Невского, считавшегося местным святым с момента кончины и прославленного на общерусском уровне в 1547 г.

⁶³ ПСРЛ. Т. XXI. С. 406.

⁶⁴ См.: Корень Российских государей: лицевая рукопись (Царский Титулярник) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Эрмитажное собрание. № 440. 1673 г. Ф. 885. Л. 26, 30. URL: <http://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=E43F34DE-AB4B-4891-9B5F-DDB52238975F> (дата обращения: 10.09.2022).

⁶⁵ Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII в. С. 300.

⁶⁶ Мобилизованное Средневековье. Т. II. С. 101.

References

- Avdeev A. G. Stikhotvornyi elogii Kariona Istomina, posviashchennyi velikoi kniagine sviatoi Evdokii, v inochestve Evfrosinii. *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2008, no. 4, pp. 131–134. (In Russian)
- Aver'ianov K. A. Kak vznikla Dmitrievskaia roditel'skaia subbota? *Suzdal'skii sbornik za 2021 god*. Vladimir, Tranzit-IKS Publ., 2022, pp. 3–16. (In Russian)
- Borisov N. S. *Dmitrii Donskoi*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2014, 507 p. (In Russian)
- Borisov N. S. *Sergii Radonezhskii*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2001, 298 p. (In Russian)
- Cherepnin L. V. *Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XVII v. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rusi*. Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury Publ., 1960, 899 p. (In Russian)
- Efimova M. V. Vlast' i pravitel' v predstavleniakh russkogo obshchestva perioda obrazovaniia tsentralizovannogo gosudarstva (po literaturnym istochnikam). *Rossiiskaia gosudarstvennost': istoriia i sovremennost'*. St Petersburg, Znamenitnye universanty Publ., 2003, pp. 101–109. (In Russian)
- Filyushkin A. I. *Tituly russkikh gosudarei*. Moscow, St Petersburg, Al'ians-Arkheo Publ., 2006, 256 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. O vzniknovenii monarkhii v Rossii. *Istoricheskii opyt russkogo naroda i sovremennost'*, issue 2. St Petersburg, St Petersburg University Press., 1995, pp. 20–46. (In Russian)
- Golubinskii E. E. *Istoriia kanonizatsii sviatykh v Russkoi Tserkvi*. Moscow, Krutitskoe patriarshee podvor'e Publ., 1998, 597 p. (In Russian)
- Jakovlev L. *Drevnosti Rossiiskogo gosudarstva, dopolnenie k III otdeleniiu, russkie starinnye znamenata*. Moscow, Tip. Aleksandra Semena Publ., 1865, 383 p. (In Russian)
- Kovalev-Sluchevskii K. P. *Evdokiiia Moskovskaia. Zhizneopisanie sviatoi Evfrosinii, velikoi kniagini, zheny i vdovy Dmitriia Donskogo*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2018, 320 p. (In Russian)
- Krivoshchev Iu. V., Sokolov R. A., Guseva S. V. *Moskva v epokhu Srednevekov'ia. Ocherki politicheskoi istorii XII–XV stoletii*. St Petersburg, St Petersburg University Press, 2021, 432 p. (In Russian)
- Kuchkin V. A. O roli Sergiia Radonezhskogo v podgotovke Kulikovskoi bitvy. *Voprosy nauchnogo ateizma*, Moscow, 1988, issue 37, pp. 100–116. (In Russian)
- Kuchkin V. A. Sergii Radonezhskii. *Voprosi istorii*, 1992, no. 10, pp. 75–92. (In Russian)
- Litvina A. F., Uspenskii F. B. *Vybor imeni u russkikh kniazei X–XVI vv. Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antropomimiki*. Moscow, Indrik Publ., 2006, 904 p. (In Russian)
- Lyzlov A. I. *Skijskaia istoriia*. Moscow, Nauka Publ., 1990, 518 p. (In Russian)
- Mansikka V. P. *Zhitie Aleksandra Nevskogo: razbor redaktsii i teksty*. St Petersburg, Obshchestvo liubitelei drevnei pis'mennosti Publ., 1913, 137 p. (In Russian)
- Mikhailova I. B. "Nebesnyi Ierusalim" v russkoi kul'ture XV–XVI vv. *Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishih vremen do nachala XX v.*, vol. III. St Petersburg, St Petersburg University Press, 2012, pp. 395–435. (In Russian)
- Mikhailova I. B. Moskva i Konstantinopol' v kniazhenie Dmitriia Donskogo: novyi "Tsar'grad". *Vestnik of Saint Petersburg University*, ser. 2, 2010, issue 4, pp. 3–15. (In Russian)
- Mobilizovannoe srednevekov'e*. T. II. Srednevekovaia istoriia na sluzhbe natsional'noi i gosudarstvennoi ideologii v Rossii. Ed. by A. I. Filyushkin. St Petersburg, St Petersburg University Press, 2022, 560 p. (In Russian)
- Nasonov A. N. "Russkaia zemlia" i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva. *Istoriko-geograficheskoe issledovanie*. Moscow, AN SSSR Press, 1951, 259 p. (In Russian)
- Prokhorov G. M. *Pamiatniki perevodnoi i russkoi literatury XIV–XV vv*. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 296 p. (In Russian)
- Prokhorov G. M. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, issue 2, part 1. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 516 p. (In Russian)
- Prokhorov G. M., Salmina M. A. Slove o zhitii i o prestavlenii velikago Kniazia Dmitriia Ivanovicha, tsaria Russkago. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, issue 2, part 2. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 403–405. (In Russian)
- Romanova A. A. Sviatitsy Simona Azar'ina iz sobraniia otdela rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. *Bibliotekovedenie*, 2016, vol. 65, no. 5, pp. 539–544. (In Russian)

- Sirenov A. V. O prozvischchakh drevnerusskikh kniazei. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2017, no. 2, pp. 184–193. (In Russian)
- Sirenov A. V. *Stepennaia kniga i russkaia istoricheskaia mys' XVI–XVIII v.* Moscow, St Petersburg, Al'ians-Arkheo Publ., 2010, 552 p. (In Russian)
- Snegirev I. *Pamiatniki moskovskoi drevnosti s prisovokupleniem monumental'noi istorii Moskvy i drevnikh vidov i planov drevnei stolitsy.* Moscow, Tip. Avgusta Semena Publ., 1842–1845, 523 p. (In Russian)
- Sokolov R. A. Zhizn' posle smerti: proslavlenie Aleksandra Nevskogo v like sviatykh. *Blagovernnyi velikii kniaz' Aleksandr Nevskii: blistaia slavoiiu na zemle i na Nebesakh.* Moscow, Leto Publ., 2021, pp. 198–241. (In Russian)
- Solov'ev A. V. Epifanii Premudryi kak avtor “Slova o zhitii i prestavlenii velikago kniazia Dmitriia Ivanovi-cha, tsaria rus'skago”. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, vol. XVII. Moscow, Leningrad, AN SSSR Press, 1961, pp. 85–106. (In Russian)
- Voronin N. N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vekov.* T. 2. Moscow, AN SSSR Press, 1962, 558 p. (In Russian)
- Zimin A. A. *Vitiaz' na rasput'e: feodal'naiia voina v Rossii XV v.* Moscow, Mys' Publ., 1991, 286 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 8 октября 2022 г.
Рекомендована к печати 30 января 2023 г.
Received: October 8, 2022
Accepted: January 30, 2023